

УДК 94(430).085:327

МОСКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР (1925 Г.) И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА ЛАВИРОВАНИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

П.В. МАКАРЕНКО*Воронежская
государственная
лесотехническая
академия**e-mail: vglta@vglta.vrn.ru*

В статье рассматриваются советско-германские торговые переговоры в 1925 г. Руководство Германии было намерено как извлечь из торгового договора максимальные выгоды, так и укрепить международное положение страны накануне Локарнской конференции и получить от стран-победительниц уступки в пересмотре условий Версальского договора. Советский Союз добивался от немцев отказа от сближения с Западом и стремился удержать Германию в сфере своих внешнеполитических интересов. В работе также отмечается, что заключение московского торгового договора в итоге способствовало поиску взаимопонимания между Германией и СССР и укреплению курса Рапалло.

Ключевые слова: затягивание торговых переговоров, тактика лавирования, политика давления и отказ от компромиссов, вмешательство в германские внутренние дела и внешнюю политику, заключение торгового договора.

Советско-германское сотрудничество в рамках Рапалльского договора проходило не так уж и безупречно и бесконфликтно, каким оно представлялось советским историкам. Рассекречивание документов отдельных фондов российских архивов позволяет ныне существенно дополнить картину сложных и порой противоречивых отношений между Веймарской Германией и СССР, вызванных в 1925 году процессом над немецкими студентами и лейпцигским процессом по делу «немецкой ЧК». Советское руководство, по вине которого торгово-экономические переговоры с Германией были прекращены более чем на полгода, испытывало недостаток средств для закупки промышленного оборудования и станков. Оно торопило немецких представителей решить все накопившиеся спорные вопросы в проекте торгово-экономических соглашений и было готово в случае отказа немцев в уступках пойти на разрыв переговоров. 16 августа 1925 года нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, под влиянием постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), рекомендовал советскому полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому в ответ на затягивание немцами переговоров продолжить обвинения германского министра иностранных дел Г. Штреземана в попытке соглашения с Западом. Вместо поиска конструктивного диалога с германским МИДом полпреду рекомендовалось тактика дипломатического «нажима» на немцев. Чичерин усматривал в согласии германского правительства подписать гарантийный пакт с державами Антанты переход к британской ориентации и отказ от рапалльской политики¹.

Г. Штреземан с возмущением доказывал Г. Чичерину, что у германских правящих верхов нет намерений разрыва отношений с СССР и они готовы проводить переговоры как с ними, так и с западными странами. Он отмечал неприемлемость для Берлина без соглашения с Москвой вступать в Лигу наций и подчеркивал, что свое решение о сближении с Лигой Германия будет решать самостоятельно, а не по принуждению советской стороны². Столь резкий тон германского министра был вызван постоянным давлением советской стороны, диктовавший немцам свои условия дипломатической игры с Западом, и нежелание последних, по словам Штреземана, быть «фигурой на русской шахматной доске» и стремившихся проводить «самостоятельную политику»³. У Штреземана складывалось впечатление, что советское правительство не учитывает внешнеполитическое положение Германии и желает политически привязать ее к себе, чтобы скомпрометировать ее в глазах западных держав⁴. Заключение торгового договора с СССР он допус-

¹ См.: Известия. 1925. 4 августа; Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 431-438.

² Akten zur deutschen auswaertigen Politik (ADAP). Serie A. Bd. XIV. Dok. 2. S. 5-6.

³ Ibidem. Bd. XIII. Dok. 116. S. 316.

⁴ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 2. S. 5-6.

кал только лишь после завершения переговоров с Западом или, по крайней мере, достижения с них успехов и реальных выгод для Германии⁵.

21 августа из беседы с германским послом У. фон Брокфорд-Ранцау заместитель наркома иностранных дел М. Литвинов вынес впечатление об отсутствии у немцев желания подписать торговый договор с СССР. В письме советнику полпредства в Берлине С. Бродовскому он сообщил свои соображения о причинах затягивания торговых переговоров, отмечая, что немцы их сознательно затягивают, надеясь добиться максимума уступок от советской стороны. Литвинов не исключал возможности оттягивания немецкой стороной подписания торгового договора по политическим соображениям из опасения, что подписание торгово-экономических соглашений с Советским Союзом может повредить переговорам Германии с Западом. Заместитель наркома был намерен продолжить тактику «давления», рекомендуя Бродовскому «прижать их (немцев – П.М.) к стенке и заставить раскрыть карты»⁶, и при этом подчеркивал «Германия стоит перед выбором: или продолжить совместную с Советским Союзом рапальскую политику, или отказаться от этой политики»⁷.

В конце августа германское правительство, несмотря на неудовлетворенность промышленно-торговых кругов результатами переговоров и, особенно, необходимостью признания советской монополии внешней торговли, согласилось, что не в интересах Германии их дальнейшее затягивание. Штреземан 22 августа дал указание посольству в Москве не ставить подписание торгового договора с СССР в зависимость от переговоров с западными странами и ускорить его подписание. Вскоре выяснилось, что в обсуждении проекта торгового договора осталось немало нерешенных проблем, на которые обратил внимание немцев председатель советской торговой делегации Я. Ганецкий в своей записке. «Записка Ганецкого вызвала в германской делегации ужас», – отмечал в своем дневнике М. Литвинов⁸. Ганецкий отверг изложенные немецкой стороной предложения по завершению переговоров и взял назад сделанные ранее немцами уступки в патентной конвенции и рыбной концессии⁹. Кроме того, остались невыполненными германские требования о транзите, обойден молчанием целый ряд вопросов: о присоединении торгпредства к советскому полпредству, о пропаганде, о сроке действия экономического соглашения, защите германских подданных от уголовного преследования за торговый шпионаж¹⁰. Брокдорф-Ранцау выразил 31 августа М. Литвинову сожаление, что такая позиция советской делегации привела к разрыву переговоров в тот момент, когда германское правительство изъявило желание удовлетворить требование советской стороны, и заявил об отъезде германской делегации в Берлин¹¹.

В условиях срыва переговоров М. Литвинов обратился к секретарю ЦК РКП(б) В. Молотову с предложением согласиться с требованиями германской торговой делегации и сделать уступки как по принципу наибольшего благоприятствования в торговле, так и в рыболовной и патентной конвенциях¹². Немецкая делегация в этой связи приняла ответный тактический маневр, используя для этого вопрос о предоставлении СССР торгового кредита, и ожидала уступок «под кредит» в соглашениях по консульским делам, правовой защите германских подданных, рыбной концессии и других¹³. 1 сентября Брокдорф-Ранцау в беседе с Литвиновым заявил о несогласии германского правительства с предоставлением права наибольшего благоприятствования советской стороной Турции и Китаю и сообщил об отсрочке с решением вопроса о предоставлении Советскому Союзу торгового кредита. Немцы рассматривали благоприятствие Турции и Китаю как посягательство на свое монопольное право: получение льгот, закрепленных Рапальским дого-

⁵ Ibidem. Dok. 2. S. 7.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 165. Оп. 4. П. 117. Д. 100. Л. 0162.

⁷ Там же. Д. 100. Л. 0165.

⁸ Там же. Д. 100. Л. 0178.

⁹ Советско-германские отношения 1922-1925: Документы и материалы. Ч.2: 1925. М., 1977. Док. 358. С. 213-216.

¹⁰ Там же. Д. 360. С. 217.

¹¹ Там же. Д. 359. С. 216.

¹² АВП РФ. Ф. 165. Оп. 4. П. 117. Д. 100. Л. 0180-0179.

¹³ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 46. S. 128.

вором¹⁴. Узнав о протесте Ранцау, Чичерин в письме Бродовскому в раздражительном и эмоциональном тоне обвинил немцев в стремлении «добиться разрыва дружественных отношений между СССР и Турцией», объявив Германию «врагом»¹⁵.

Недоверие между рапальскими партнерами усилило напряжение в их отношениях. Советским дипломатам было трудно убедить своих немецких коллег о том что принцип наибольшего благоприятствования, предоставляемый другим странам не только не противоречит Рапалло, но и, наоборот, совершается в духе его развития¹⁶. В начале сентября советская стона заявила о готовности к уступкам в таких вопросах, как рыболовство и патентное соглашение, а так же к компромиссу в предоставлении немцам наибольшего благоприятствования в торговле. Германское ведомство иностранных дел, в свою очередь, разрешило положительно вопрос об участии немецких ученых в юбилее Российской Академии наук, ранее отвергаемый германским руководством¹⁷.

В первой декаде сентября наметился заключительный этап переговоров. Для поддержания в общественном мнении позитивного настроения в немецкой прессе публиковались восторженные отзывы о торжествах в связи с юбилеем Российской Академии наук¹⁸. Интервью Брокдорфа-Ранцау газете «Известия» было наполнено оптимизмом и верой в успешное сотрудничество обеих стран¹⁹. Г. Штреземан выступил более пессимистично в прогнозах германской внешней политики: Германия не должна «продаваться Западу» после вступления в Лигу наций и стать «шпагой Англии на континенте». Он также предостерегал «от утопий заигрывания с большевизмом» и подчеркивал, что германская политика должна состоять в том, чтобы «...лабиринты и уклоняться от больших решений»²⁰.

Переговоры о торговом договоре двигались «весьма туго». Немцы подняли вопрос о компенсации Германии, потерявшей свое имущество в России после революции в результате национализации, в свое время разрешенный Рапальским договором. Компенсационные требования включали и пожелания немецких фирм на Кавказе по возвращению находившихся у них в аренде до революции марганцовых рудников. Наркоминдел отклонил эти претензии как создающие неблагоприятную атмосферу для торгового договора²¹. Получив отказ, немецкая сторона не стала больше предъявлять больше никаких требований.

Поездку Чичерина в Германию, с промежуточным визитом в Варшаву, Москва решила использовать для оказания давления на германское правительство и побуждению его к уступкам на завершающем этапе переговоров. Литвинов советовал Бродовскому создать в Берлине впечатление, будто встреча министра иностранных дел Польши А. Скушиньского с Г. Чичериным необходима для закрепления какого-то соглашения²².

Чичерин, в свою очередь, был склонен официально заявить, что со вступлением Германии в Лигу наций Рапальский договор аннулируется. Литвинов выступал против намерений наркома оказать таким образом давление на немецкую сторону. «Я не думаю, что кому-либо может прийти в голову мысль об аннулировании Рапальского договора», – писал он Чичерину 21 сентября. Литвинов считал, что такое заявление в ходе визита Чичерина в Варшаву может быть воспринято как желание советской стороны освободиться от формальных обязательств Рапальского договора и дать повод Германии также считать себя свободной от своих обязательств. Он предлагал заявлять для печати, что вступление Германии в Лигу является нарушением духа Рапалло и всячески поддерживал мысль о том, что несмотря на все это «Рапальский договор остается в силе полностью»²³.

Немецкая политическая элита реагировала на визит Чичерина в Варшаву довольно нервно, так как улучшение отношений СССР с Польшей могло ослабить в Локарно позиции Германии. Брокдорф-Ранцау ставил перед своим правительством вопрос о необходимости использовать приезд Чичерина в Берлин для того, чтобы развеять сложив-

¹⁴ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 8. П. 18. Д. 2. Л. 89.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 165а. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 0155.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 165. Оп. 5. П. 123. Д. 144. Л. 0179.

¹⁷ Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., 2007, С. 131.

¹⁸ Vgl.: Vossische Zeitung. 1925. 4 Sept.; Neue Freie Presse. 1925. 13 Sept.; Berliner Tageblatt. 1925. 29. Okt.; Koelnische Zeitung. 1925. 22. Sept.

¹⁹ Советско-германские отношения 1922-1925. Ч. 2. Д. 366. С. 224-225.

²⁰ Там же. Док. 367. С. 226.

²¹ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1963. Т. VIII. Док. 317. С. 545.

²² АВП РФ. Ф. 082. Оп. 8. П. 18. Д. 2. Л. 104.

²³ АВП РФ. Ф. 165. Оп. 4. П. 117. Д. 100. Л. 0194-0193.

шиеся в последнее время недоверие к политике Германии. Отмечая сильную тенденцию среди советского руководства к пересмотру отношений с Германией, посол доказывал наркомом готовность немцев и сохранению дружественных отношений с СССР²⁴.

К приезду Чичерина в Берлин текст торгового договора и экономических соглашений был близок к завершению. Оставались неурегулированными соглашения по правовым вопросам и вопросу о налогообложении торгпредства. Последний вопрос разрешился вмешательством Брокдорфа-Ранцау, убедившего министра финансов фон Шлибена в целесообразности пойти на уступки. По прибытии Чичерина в Берлин 30 сентября советского наркома принял Штреземан. Начав беседу с наркомом по вопросу о вмешательстве Г. Зиновьева во внутренние дела Германии, он выразил недовольство тем, что обращение председателя Исполкома Коминтерна к немецким рабочим с призывом развала немецких профсоюзов и продолжения борьбы за мировую революцию было напечатано в газете немецких коммунистов «Роте Фане» накануне приезда Чичерина в Берлин²⁵. Попытка Чичерина переставить акценты в этом обвинении, что речь идет не об агитации со стороны русских, а от Третьего Интернационала, к которому относятся коммунисты разных стран, вызвало раздражение Штреземана, которому надоели подобные уловки советских дипломатов. Он заявил о неслучайном нахождении Коминтерна в Москве и напомнил Чичерину о духе Рапалло, который не позволяет вмешательство в дела другой страны²⁶. В ответ Г. Чичерин не сказал ни слова. Штреземан разрядил неприятную для наркома обстановку утверждением о беспочвенности мнения о стремлении немецких дипломатов затянуть торговые переговоры и подчеркнул, что подписание торгового договора положит конец разговорам о западной ориентации Германии. Беседа завершилась заверениями Штреземана о пользе вступления в Лигу наций, поскольку, став членом Совета Лиги, Германия может предотвратить создание враждебной коалиции против СССР.

Вторая встреча Чичерина и Штреземана состоялась 2 октября, накануне отъезда последнего в Локарно. Штреземан признавал трудности для немецкой делегации и упорную борьбу в Локарно по принятию оговорок к ст. 16 Устава Лиги, дающие Германии право выполнять эту статью по своему усмотрению²⁷. В тот же день Чичерин встретился с канцлером Г. Лютером, убеждая его и других немецких политиков в том, что в Локарно английская дипломатия перехитрит Германию и втянет ее в антисоветскую орбиту. После беседы с канцлером Чичерин сообщил в Москву: «Лютер клялся и божился, что будет тверд и не пойдет в Лигу наций без устранения для Германии статьи 16»²⁸.

МИД Германии направил своему посольству в Москву директиву о завершении всех формальностей, связанных с подготовкой договора к подписанию. 12 октября в Москве был подписан советско-германский торговый договор, который выходил за рамки обычного договора и представлял собой обширный комплекс торгово-экономических соглашений, охватывающих различные виды сотрудничества: соглашение о поселении (т.е. правовом положении граждан на территории другой страны) и общеправовой защите: экономические и железнодорожные соглашения; соглашение о мореплавании, налогах, торговых третейских судах, об охране собственности²⁹.

Торговый договор установил, что торгпредство СССР в Германии является основной частью полпредства. Торгпреду и его заместителям были предоставлены дипломатические права, а все помещения торгпредства объявлялись неприкосновенными. Также была предусмотрена уплата налогов с торговых операций, торгпредства и ответственность советского правительства за сделки торгпредства³⁰. В торговом договоре в отличие от майского соглашения 1921 года, определялись права советских хозяйственных организаций в Германии и немецких фирм в СССР. И те, и другие пользовались одинаковыми правами. В своей деятельности немецкие фирмы на территории СССР подчинялись советским законам. Они имели права совершать «операции по внешней торговле и всякие иные, к которым привлекался заграничный капитал, только по особому разрешению или

²⁴ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 94. S. 242.

²⁵ «Aus den Verhandlungen des EKKI ueber die deutsche Frage» // Rote Fahne. 1925. 26. Sept. № 222; Rote Fahne. 1925. 27. Sept. № 223; Rote Fahne. 1925. 29. Sept. № 224.

²⁶ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 109. S. 285-286.

²⁷ ADAP. Serie A. Bd. XIV. Dok. 110. S. 294.

²⁸ ДВП СССР. Т. VIII. Док. 325. С. 558.

²⁹ ДВП СССР. М., 1963. Т. VIII. Док. 342. С. 582-617.

³⁰ Ганецкий Я. Советско-германский торговый договор. М.; Л., 1926. С. 25.

по специальной концессии»³¹. Советское правительство обязывалось способствовать приобретению концессий в СССР гражданами Германии³².

В день подписания торгового договора между Москвой и Берлином, на заключительном заседании советской и германской делегаций, Я. С. Ганецкий отметил не только экономическое, но и политическое значение подписанных соглашений³³. В экономическом отношении Германия, имевшая один миллион безработных и два миллиона полубезработных, получила возможность для их занятости, благодаря советским заказам. Экономически из торгового договора Германия извлекала двойную выгоду, уплачивая за русское сырье для своей промышленности не валютой, как западным странам, а товарами, необходимыми для советского народного хозяйства, реализация которых была закрыта для немцев на европейском рынке. В политическом отношении договор укреплял международный престиж Германии. Немецкая правительственная делегация ехала в Локарно не с пустыми руками. Советско-германский договор был вызовом, брошенным локарнским державам накануне конференции, предлагавшим немцам стать их союзниками. Советско-германский договор совпал с поездкой немецкой делегации на конференцию в Локарно, поэтому ратификация Московского договора задержалась. Обсуждение договора состоялось лишь 1 декабря 1925 года в рейхстаге, где представители всех партий рейхстага высказались в пользу договора с СССР. Социал-демократы, демократы и «немецкая народная партия» высказывались за договор исходя из формулы «Локарно плюс Россия»³⁴, коммунисты и правая «народная партия» – против Локарно, но за договор с СССР³⁵. Депутаты рейхстага единодушно поддержали ратификацию договора, который был утвержден 12 декабря 1925 года³⁶.

Советским дипломатам не удалось приостановить дрейф Германии в западном направлении, зато торговым договором 1925 года и экономическим соглашением был компенсирован тот ущерб, который наносила советско-германским отношениям революционная пропаганда Коминтерна, и отдельных лидеров ВКП(б). Год спустя, Германия первая и единственная из стран капиталистического окружения – представила СССР долгосрочный 300-миллионный товарный кредит, оказавший существенную помощь и поддержку в проведении курса советской индустриализации. Сохранить Германию в качестве надежного политического партнера советское руководство не смогло, так как со вступлением в Лигу наций немецкие правящие круги стремились к восстановлению утраченного после первой мировой войны статуса великой европейской державы и проведению независимой от Запада и Востока самостоятельной внешней и внутренней политики, направленной на восстановление политической, экономической и военной мощи страны.

MOSCOW TRADE AGREEMENT (1925) AND THE GERMAN POLICY OF MANEUVERING BETWEEN EAST AND WEST

P.V. MAKARENKO

*Voronezh
State Forestry
Academy*

e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

The paper considers that the delay in German trade negotiations with the Soviet Union was aimed at – the extraction of maximum benefit trade agreement, and entry into the League of Nations – to strengthen the international position and to obtain from the victorious countries of concessions in terms of revising the Treaty of Versailles. The Soviet Union sought from the Germans out of a rapprochement with the West and wanted to keep Germany in its foreign policy interests. The paper also notes that the conclusion of a trade agreement in Moscow contributed to the search of mutual understanding and strengthening of the Rapallo.

Key words: Guardianship of people's sobriety, free libraries, temperance tightening of trade negotiations, tactics, maneuvering, the policy of pressure and refusal to compromise, the German intervention in internal affairs and foreign policy, the conclusion of a trade agreement.

³¹ Ганецкий Я. Советско-германский торговый договор. М.; Л., 1926. С. 25.

³² ДВП СССР. М., 1963. Т. VIII. Док. 342. С. 589.

³³ См.: Известия. 1925. 13 октября.

³⁴ Verhandlungen des Reichstages. Berlin, 1926. Bd. 388. S. 46857, 46902.

³⁵ Ibidem. S. 47908, 48013.

³⁶ Koelnische Zeitung. 1925. 14. Oktober.